В заключительной части этого эпизода во второй пространной редакции опять вставлен значительный кусок Псевдоконстантиновой грамоты. Дальнейшие события — крещение и исцеление Константина — в обеих пространных редакциях изложены также по Житию, а не по Грамоте, и этим эпизодом заканчивается использование Жития Константина в Повести о новгородском белом клобуке.

Итак, в первой, компилятивной части Повести о белом клобуке ее автор использует в одинаковой степени и Житие и Грамоту, заимствуя выразительные средства как того, так и другого, объединяя и растворяя эти источники в своем творчестве.

Описанием легализации христианства заканчивается первая половина первой части Повести, и здесь мы обнаруживаем „грань", так как изложение дальнейших эпизодов идет несколько по-иному. И если без особого труда удается определить источники первой половины этой части Повести, то дальше дело обстоит гораздо сложнее.

Перейдем теперь к изложению событий, определенных в заглавии Повести как история „сотворения святительского белого клобука". Напомним, что описания этих событий нет ни в Житии Константина, ни в „Деяниях" Сильвестра. В Псевдоконстантиновой грамоте написанной, как известно, от его имени, в первом лице, об этих событиях говорится так:

„И венцем, имже от главы нашея ему подахом златом честнейшим и каменми... должен есть одеватися и на главе носити во славу божию о чести блаженаго Петра. А понеже той блаженнейший папа, понеже венец клирический, еже на главе пострига, его же о чести имеет блаженного Петра, не хотяще, еже от злата носити венец, мы венец место сего лицем белейшим, светлое воскресение господне назнаменовавше, священнейшому его верху своими руками возложихом".[1]

В Повести же все эти события рассказаны чрезвычайно подробно, с привлечением множества эпизодов, подчас до мелочей детализированно. На большинство этих деталей и эпизодов, имеющихся в Повести, в Грамоте нет и намека (например описание пира в честь Сильвестра, второе видение Константином апостолов, история создания белого клобука и до мельчайших подробностей описанная церемония вручения его Сильвестру). Сочинено ли все это составителем Повести, или откуда-нибудь заимствовано? Нам кажется, что здесь есть и то и другое, но элементы заимствования здесь настолько ассимилированы творчеством составителя Повести, что их почти невозможно установить. Лишь весьма немногие отдельные детали и подробности несут на себе неясные следы использования какого-либо источника. Так, например, в описании проводов Константином Сильвестра после пира фигурируют какие-то „председания с конми", на которые царь сажает епископа (некоторые, более поздние переписчики Повести заменили эти непонятные „председания" словом „колесница"). Эта деталь дает основания предполагать, что весь этот эпизод Повести был откуда-то взят ее составителем, причем данная подробность была им не понята, что сделало ее непонятной и читателю.

Зато описание „сотворения" белого клобука явно сочинено в Новгороде, так как сделано с натуры с того самого клобука, который носил архиепископ Василий,[2] в то время как в Псевдоконстантиновой

[1] Византийский временник, стр. 78—79.

[2] В 1946 году при раскопках в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде было обнаружено погребение архиепископа Василия. В гробу, кроме остатков одежды (епископского облачения особого типа — тех самых „крестчатых риз" — поли-